

Право и политика

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.05

Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: сравнительно-правовой анализ

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А. Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: сравнительно-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 4. С. 79–97.

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.05

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

Исправленный текст представлен 08.11.2022.

АННОТАЦИЯ. На основе сравнительно-правового анализа конституций африканских государств в статье анализируются конституционные модели принципа социальной справедливости. Рассматриваются генезис западного правопонимания принципа социальной справедливости, особенности его отражения в африканской правовой культуре.

Выделяя западную традицию правопонимания социальной справедливости, исходящую из воззрений Платона и Аристотеля, автор отмечает, что ее сущность состоит в справедливом распределении социальных благ, основанном на достижении равноправия.

Современное западное правопонимание дополняет древнегреческую традицию рассмотрением обусловленности принципа социальной справедливости экономической и политической системами, отношениями собственности, социальными правами и свободами.

Сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств позволяет автору, с одной стороны, обнаружить сходство в регулировании принципа социальной справедливости, в том числе под влиянием западной традиции, с другой стороны, увидеть то, что конституции этих стран объективно отличаются степенью и характером учета националь-

ных подходов. В этом контексте выделяются общие и особенные факторы национальной идентичности африканских государств, влияющие на выбор конституционной модели социальной справедливости.

В статье выделяется как минимум четыре конституционные модели принципа социальной справедливости на африканском континенте: либерально-демократическая, социалистической ориентации, авторитарная и гибридная. Авторитарная и особенно гибридная в большей степени отражают национальную идентичность. При этом число государств с гибридной моделью неуклонно растет. В статье проводится подробный анализ конституционных моделей принципа социальной справедливости на примере отдельных африканских государств, рассматриваются особенности конституционного закрепления социальных целей и ценностей, регулирования социальных прав и отношений по распределению доходов от национальных богатств.

В заключении делается вывод, что классификация конституционных моделей принципа социальной справедливости на четыре группы постепенно теряет актуальность. В перспективе для всех африканских государств будет присуща гибридная модель. Именно тенденция гибридизации со всей очевидностью обозначилась в настоящее время в практике конституционного развития африканских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип социальной справедливости, западное правовопонимание, конституционные модели, либерально-демократическая модель, модель социалистической ориентации, авторитарная модель, гибридная модель, страны Африки, национальная идентичность, социальные цели и ценности, социальные права.

Введение. Принцип социальной справедливости в западном правовопонимании и особенности его отражения в африканской правовой культуре

Принцип социальной справедливости лежит в основе современного правовопонимания социального государства и социальных прав человека, формируемого на основе международного права прав человека ООН (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты о правах человека 1966 г.) и конституций государств, учитывающих универсальные стандарты прав человека во взаимосвязи с национальной идентичностью.

В своих конституциях государства провозглашают как принцип социальной справедливости, так и более универсальный принцип справедливости. Справедливость как более широкое понятие может быть связана с геополитикой и политикой (справедливость в международных отношениях, справедливые выборы и пр.), с экономическим строем (справедливость в экономических отношениях), с иными не социальными отношениями. При этом исследователи отмечают, что в бесчисленных интерпретациях справедливости есть нечто общее, характеризующее ее специфическую роль в жизни человека и общества [Александров, 2003, с. 11]. Социальная справедливость – понятие, которое охватывает интересы различных классов и слоев населения, социальных групп и общностей во взаимосвязи с политическими, экономическими, духовно-культурными, экологическими и иными связями.

Необходимо отметить, что основу конституционных моделей регулирования принципа социальной справедливости современных государств предопределило в значительной степени

влияние на эту модель западного правовопонимания социальной справедливости. К числу континентов, подвергшихся этому влиянию, следует причислить и Африку. Государства этого континента подверглись европейской колонизации, и вся история их развития обусловлена тесным контактом со странами западного мира.

Сущность социальной справедливости в западном правовопонимании состоит в справедливом распределении социальных благ, которые производятся в рамках определенного экономического строя и основываются на достижении равноправия и в конечном итоге равенства. Такое понимание в западной цивилизации было заложено в свое время в древнегреческой философии Платоном и Аристотелем, которые размышляли о социальной справедливости и распределении доходов государства для удовлетворения потребностей своих граждан. Так, Платон в контексте социальной справедливости затрагивал проблему бедности и богатства. В их противостоянии он видел зло, способное разрушить общество, моральное единство граждан, породить рост преступности, погоню за наживой с целью обогащения одних за счет других [Платон, 2007, с. 135]. Аристотель, разработав всемирно известную формальную структуру справедливости, выделил две ее формы: уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость предполагает воздаяние равным за равное, распределяющая признает справедливым как равное, так и неравное распределение благ между различными лицами в зависимости от их вклада в общественное благо. Неравенство рассматривалось Аристотелем как источник многочисленных общественных потрясений [Аристотель, 2008, с. 795]. Формальное равенство не может сгладить имущественное неравенство среди людей,

решение этого вопроса осуществляется с помощью социальной справедливости, в соответствии с которой блага распределяются в том числе путем обеспечения социально незащищенных слоев населения и установления для каждого минимальных стандартов жизни.

В современных правовых интерпретациях единство уравнивающей и распределяющей справедливости образует юридическое равенство [Зорькин, 2011, с. 76]. Этот принцип является универсальным и провозглашается в конституциях государств как ключевое требование обеспечения социальной справедливости.

В древнегреческой трактовке справедливость не увязывалась с принципами достойной жизни и свободного развития. Эту взаимосвязь предопределили современные интерпретации справедливости. По мнению Д. Роулза, справедливость определяется средством достижения индивидуальных целей и выбора образа жизни (свобода действий в любых сферах, отсутствие дискриминации и т. п.) и первичными благами (самоуважение), когда наименее преуспевшие получают максимум благ [Роулз, 2010, с. 66]. Д. Роулз выделяет два аспекта справедливости: политический и социально-экономический. В политическом измерении принципу справедливости, по его мнению, отвечает конституционная демократия. Социально-экономический аспект справедливости связан с распределением прибыли и богатства, направленным на наиболее полное удовлетворение ожиданий наименее благополучных людей при условии справедливого равенства возможностей и равных прав и свобод. Заслуга Д. Роулза состоит в том, что он указал на главную проблему распределяющей справедливости – выбор социальной системы. Он констатирует, что выбор между экономикой,

основанной на частной собственности, и социализмом остается открытым, ибо разные основные структуры определяют теорию справедливости и последствия ее действия в реальной жизни. Именно эта зависимость справедливости от общественно-политического и экономического строя позволяет выявить разные модели социальной справедливости. В современной западной цивилизационной системе можно разграничить три основные модели: либерально-демократическую, социалистическую, гибридную (смешанную). Все три модели связаны с регулированием прав собственности, механизмами налогообложения, системой распределения общественных благ, доступом к социальным правам и льготам.

В противоположность распределительной теории Д. Роулза другая современная концепция основана на либертариистской идее «минимального» государства. Ее сторонник Роберт Нозик социальную справедливость не связывает с функцией перераспределения и считает, что каждый человек является хозяином своей жизни, поэтому ему должна быть предоставлена максимально возможная свобода, ограниченная свободой других. Все блага человек приобретает в результате обмена или воздаяния, поэтому даже сама постановка вопроса о справедливом распределении является ложной [Нозик, 1994, с. 144]. В либертариистском подходе Р. Нозика можно обнаружить расхождение с нравственной идеей фундаментального равенства, с императивом заботы государства и общества о благе ближнего и другими аксиомами морали.

Одну из современных либеральных трактовок справедливости, основанной на толковании фундаментального принципа равенства, представляет Р. Дворкин, разграничивающий понятия «равное обращение» (равенство дистрибутивного типа, направленное на распре-

деление благ) и «обращение как с равным» (этическое равенство, требующее уважения человеческого достоинства) [Дворкин, 2004, с. 309, 367]. Практическое осуществление этих принципов составляет суть западной либеральной политики справедливости. Экономическая функция принципа равной заботы и уважения заключается в сглаживании негативных последствий рыночной экономики, а политическая – в блокировании решений законодательного большинства в системе представительной демократии, направленных на регулирование частной жизни в соответствии с определенной концепцией блага [Дворкин, 2004, с. 366–368].

Таким образом, современное западное правопонимание принципа социальной справедливости увязывает это понятие не только с дихотомией равенства и распределения, но и требованиями свободного развития и достойной жизни, обеспечиваемыми конституционным закреплением прав и свобод личности и обязательств государств, предопределяемых в свою очередь выбором экономического и общественно-политического строя.

Западное правопонимание социальной справедливости оказало существенное влияние на африканскую правовую систему в период колонизации, которая проявилась, во-первых, в конвергенции англо-саксонской, романо-германской и религиозной (клерикальной) правовых систем, во-вторых, в наложении на западную правовую культуру африканских традиций трайбализма, патриархально-племенной и иной специфики цивилизационной африканской культуры, в-третьих, в придании нравственно-этической и ценностной составляющей ключевого значения при закреплении принципа социальной справедливости.

Наряду с заимствованием западных подходов при формировании афри-

канских моделей социальной справедливости нельзя не обратить внимание на влияние исламской правовой культуры восточных стран. В данном случае речь идет не только о предопределенности понимания социальной справедливости верой в Бога (Аллаха). Имеются в виду и другие заимствования. В частности, распределительная традиция социальной справедливости исламских государств Ближнего Востока в отношении природных ресурсов, основанная на принципе принадлежности данных ресурсов всей нации и праве каждого получить свою долю, оказалась привлекательной для целого ряда африканских государств, интенсивно развивающих сегодня свою сырьевую экономику, что будет проиллюстрировано далее на конкретных примерах.

Интересно отметить, что африканская традиция социальной справедливости имеет немало сходств с российскими подходами к содержанию этого принципа, когда справедливость рассматривается одновременно и как правовой принцип, и как нравственно-этическая категория. В совокупности со свободой и требованиями равенства они представляют собой действенный социальный фактор, нормирующий, упорядочивающий социальную жизнь [Бондарь, 2005, с. 258]. В российской традиции решение проблем справедливости затрагивает систему динамичных и противоречивых отношений: общества и личности, государства и социальных групп, граждан, межличностных, межгосударственных и иных отношений. Социальная справедливость требует «соответствия между реальной значимостью различных индивидуумов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих отноше-

ниях оценивается как несправедливость» [Козлов, 2010, с. 42].

Сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств позволяет, с одной стороны, обнаружить значительное сходство между ними в регулировании принципа социальной справедливости, в том числе под влиянием западной традиции, и, с другой стороны, увидеть то, что конституции этих стран объективно отличаются степенью и характером учета национальных подходов к пониманию социальной справедливости как в связи с влиянием восточной правовой культуры, так и под воздействием факторов идентичности самих африканских государств.

Факторы национальной идентичности, влияющие на регулирование принципа социальной справедливости в конституциях африканских государств

При выявлении конституционного содержания социальной справедливости не стоит недооценивать особенности развития африканских государств. Заимствование правовых подходов в определении социальной справедливости у западных стран не является автоматическим процессом. Западные конституционные модели социальной справедливости существенно фильтруются национальной идентичностью. В этом контексте можно было бы выделить общие и особенные факторы национальной идентичности африканских государств, влияющие на выбор конституционной модели социальной справедливости.

Общие факторы африканской идентичности следующие.

1. Государства Африки относятся к обширной группе развивающихся

(по классификации ООН) стран с колониальным прошлым. Эти страны длительное время находились в британской или французской колониальной зависимости либо принадлежали к другим западным метрополиям (Португалия, Бельгия, Испания и др.).

2. Для африканских государств характерны пережитки патриархально-трайбалистского социального устройства. Почти во всех странах у племен в сельской местности существуют традиционные религиозные культы, действует обычное право. Целый ряд африканистов настаивают на особом архетипе африканской культуры, для которой характерен общинный дух, а следовательно, высокий уровень социальности. В частности, речь идет об уникальном мировом явлении, возникшем в сердце африканской цивилизации – философии убунту [Иванова, 2019, с. 105]. Концепция убунту («убунту» в пер. с зулу – «человечность») исходит из того, что между людьми изначально существует доверие, а также тесная взаимозависимость друг от друга [Тимкук, 2017, с. 113–122].

Африканские философы и культурологи определяют убунту как философию, обосновывающую тезис о том, что человек в подлинном смысле – это «общественный человек», он является частью общины и при этом социально-психологически глубоко с нею связан [Ramosе, 1999, p. 15]. Интересы группы и человека образуют единство в своей гармонии, поскольку по определению не могут быть противоположны или разнонаправленны. Таланты, достижения, индивидуальные потребности человека имеют значение лишь во взаимодействии с другими людьми. Кроме того, концепция убунту презентует своеобразную идеологию всеобщего блага: оно разделяется интересами других членов общества, становится во главу политической и мораль-

ной сфер жизни африканских народов [Ramosе, 1999, p. 15]. Также концепция убунту выделяет ценность неконфронтационных общественных отношений, фактически воплощает моральную концепцию «культуры мира» (в противовес «культуре войны»), философии ненасилия по отношению к другому человеку или народу [Капто, 2011, с. 18]. Таким образом, убунту учитывает общинный дух африканской культуры, практически выражает понимание социальной справедливости как социальной солидарности, стремления к единодушию и консенсусу, что получает соответствующее отражение в конституциях африканских государств.

3. Для большинства африканских государств характерна политическая нестабильность, системная коррупционность и криминогенность, регулярные перевороты и локальные вооруженные столкновения. После освобождения от колониальной зависимости во многих африканских государствах имели место неоднократные военные перевороты. Конституции отменялись или их действие приостанавливалось, парламенты распускались. В некоторых странах после переворота выборы президента не проводились.

4. Промышленность африканских государств развита довольно слабо. Несмотря на то, что в ряде стран, таких как Кения, Танзания, Эфиопия, имеются современные предприятия, они обычно принадлежат транснациональным корпорациям. Основная часть населения проживает в сельской местности и занята в сельском хозяйстве.

5. Во многих странах Африки, таких как Нигерия, ДР Конго, ЮАР, Ангола, Эфиопия, Эритрея, Сомали, существует угроза межэтнических конфликтов, которые усиливаются по мере роста этнонационального самосознания, усиления позиции этноэлиты и экономического кризиса [Кассе Ныгусие,

Сауляк, 2014, с. 38]. Постоянно возникающие конфликты между регионами, между этническими группами, а также между центральными и местными правительствами привели к росту регионализма и национального сепаратизма. Политические конфликты и конфронтации неизбежно влияют на политическую, экономическую и социальную стабильность соответствующих стран и регионов. Поэтому несправедливое распределение и использование энергетического богатства способно породить серьезные социально-политические проблемы, в первую очередь вызванные этническими противоречиями и нежеланием одних делиться нефтью и газом с другими [Русак, Захаров, Дегтерев, 2019, с. 149].

6. Для большинства государств Африки сохраняется актуальность противодействия рабству, кабале, насилию, массовым убийствам мирного населения во время вооруженных конфликтов, другим пережиткам угнетения человека и ограничения свободы личности.

7. На Африканском континенте констатируется высокий уровень болезней, эпидемий и пандемий, что свидетельствует об особом значении реализации принципа социальной справедливости в отношении качества медицинских услуг и доступа к ним.

8. В прогностическом аспекте эксперты-африканисты обоснованно отмечают, что в настоящее время государства Африки находятся на этапе беспрецедентных возможностей, которые в первую очередь связаны с увеличением трансграничного потока капитала, ростом торговли, урбанизацией, демографическими изменениями и огромным количеством природных богатств, в которых нуждаются все страны мира [Кассае Ныгусие, Сауляк, 2019, с. 137].

Наряду с общими факторами развития стран Африки, влияющими на кон-

ституционную модель справедливости, имеется немало показателей национальной идентичности, существенно их различающих.

1. Государства Африки не одинаковы по размерам территории и численности населения. Территории Алжира, ДР Конго, Судана, Ливии, Чада, Нигерии, Анголы, Мали, ЮАР и Эфиопии во много раз превышают территории крупных европейских государств. Есть и маленькие по площади государства, например, Сейшельские Острова, Сан-Томе и Принсипи, Маврикий, Коморские острова, Кабо-Верде.

Многие районы больших стран – почти необитаемые территории, однако в отдельных государствах (Бурунди, Руанда, Маврикий) плотность населения довольно высокая для Африки. По численности населения лидируют Нигерия (свыше 200 млн чел.), Эфиопия (почти 120 млн чел.), Египет (свыше 105 млн чел.). В свою очередь, на Сейшельских Островах население – меньше 100 тыс. человек, в Сан-Томе и Принсипи – около 200 тыс. человек, это самые малочисленные государства.

2. Африканские государства не однородны в религиозном отношении. В одних доминирует ислам (например, в африканских странах Арабского Магриба: Алжире, Египте, Ливии, Мавритании, Марокко, Тунисе), в других большинство населения исповедует христианство (в Анголе, Бурунди, Габоне, ДР Конго, Замбии, Кабо-Верде, Лесото, Намибии, Руанде, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленде, Сейшельских Островах, Танзании, Уганде, Эфиопии, ЮАР и др.), при этом религиозные традиции перемешаны с языческими племенными. Данное разнообразие не во всех странах сочетается с мирной жизнью. Истории Африки известны страшные междоусобные гражданские войны внутри исламского мира, резня между мусульманами, христианами и язычни-

ками, на этом континенте активно действуют террористические организации, в частности нигерийский «Боко Харам», ИГИЛ (запрещенные в России террористические организации).

3. Некоторые государства Африки особо богаты природными ресурсами, при этом немало территорий еще недостаточно разведаны.

4. Наследием Африки является существование групп государств с разным общественно-политическим строем в период противостояния стран Запада и СССР. Наряду с государствами с ориентацией на капиталистический строй и рыночную экономику (Мадагаскар, Сомали, Уганда и др.) военные и государственные перевороты происходили под лозунгами социалистической ориентации (например, с провозглашением независимости Анголы в 1975 г. первым президентом страны становится лидер просоветской группировки МПЛА Агостиньо Нето). В Танзании президент Джулиус Ньерере провозгласил «социализм уджамаа» и без переворота. В этих странах принимались «национальные хартии» или иные документы о выборе социалистического пути развития в его особой разновидности. Руководители некоторых государств пытались создать революционно-демократические партии (Эфиопия, Танзания), проводили реформы (социальная программа Дж.М. Нимейри в Судане в 1969 г.), аналогичные реформам в социалистических государствах, особенно в СССР. В то же время на рубеже 1980–1990-х годов во многих странах Африки произошли новые перевороты, направленные в том числе против построения социализма. Постепенно каждое африканское государство выработало свой, по сути, гибридный общественно-политический и экономический уклад, отличающийся от других степенью стабильности.

5. Государства неоднородны в экономическом и социальном развитии. В настоящее время некоторые страны Африки находятся на низовом уровне развития с сильным влиянием патриархальных, а иногда и феодальных отношений (например, в составе Уганды есть пять автономных традиционных королевств - Буганда и др.). По индексу человеческого развития последние места занимают именно государства Африки: Южный Судан – 191-е место, Чад – 190-е, Нигер – 189-е место, ЦАР – 188-е, Бурунди – 187-е, Мали – 186-е, Мозамбик – 185-е место [Доклад..., 2022]. Напротив, Маврикий с очень высоким индексом развития (63-е место в мире и 1-е – среди стран Африки) достиг значительных успехов при переходе от аграрной экономики, зависимой от производства сахара, к экономике нового типа, ориентированной на сферу услуг [Кривоногов, 2014, с. 83–95]. В Маврикий достаточно высокий уровень здравоохранения. Это африканское государство участвует в решении глобальных проблем развития – является одним из первых 15 государств, ратифицировавших Парижское соглашение по климату, вступившее в силу 4 ноября 2015 г.

Государства Африки отличаются не только по уровню экономического развития, но и по его темпам. Так, высокий темп развития был характерен для Эфиопии – страны, которую многие международные эксперты уже сегодня называют «экономическим чудом Африки». Еще в 2000 г. Эфиопия была третьей беднейшей страной в мире, более 50% населения жило за чертой бедности (самый высокий уровень бедности в мире). Однако за период с 2000 по 2016 г. Эфиопия, по оценкам МВФ, по показателю доли ВВП на душу населения стала третьей в мире по темпам роста среди стран с населением 10 млн человек и более. К 2011 г. уровень бедности в Эфиопии упал до 31% [Искенде-

ров, 2019, с. 58]. По состоянию на 2021 г. ВВП Эфиопии (в текущих ценах) составил 99,3 млрд американских долларов. Рост ВВП – 6,3%. Быстрое развитие страны не обеспечено, однако, гарантиями стабильности. Согласно оценкам экспертов, Эфиопия имеет один из самых высоких экономических рисков в Африке из-за больших структурных дисбалансов: слабая позиция по внешней ликвидности, значительный внешний долг, высокая зависимость от грантовых доходов и других каналов внешнего финансирования для бюджетной поддержки, инфляционный риск со стороны предложения на внутреннем рынке [Боломатова, 2021, с. 5].

Современные перспективы экономического и социального развития африканских государств, новое позиционирование Африки на международной арене позволяют африканским государствам по-новому оценить возможности роста национального богатства и удовлетворения социальных потребностей населения и отдельных граждан. В то же время сами эти возможности различны. По мнению исследователей, развитие стран Африки похоже на «лоскутное одеяло», что подразумевает под собой сильное отличие между государствами, накапливающими необходимый потенциал для взлета, и другими, находящимися в стагнации и уповающими на помощь международного сообщества [Васильев, Корендясов, 2013].

Конституционные модели принципа социальной справедливости в странах Африки: классификация и особенности

Для африканских государств характерен интенсивный уровень конституционного развития, заключающийся в

постоянном обновлении конституций и их совершенствовании с целью установления эффективного конституционного строя, обеспечивающего социальную стабильность и поступательное развитие. Сам конституционный процесс обусловлен как внутренними, так и внешними факторами. Внешние факторы связаны с влиянием правовых систем бывших метрополий, других государств и иных видов воздействий извне (французская и Вестминстерская модели власти в бывших африканских колониях, широкое использование национальных конференций во франкофонской Африке и пр.). Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург специально останавливаются на особом виде конституции – оккупационной, то есть подготавливаемой и принимаемой под контролем иностранной власти [Blount, Elkins, Ginsburg, 2013, p. 31–65]. Такие конституции обычно принимаются с меньшим, если не с минимальным вовлечением общественности и народа. Многие конституционалисты полагают, что международное участие или вовлечение иностранных государств создает сдерживающие факторы для принятия конституции, соответствующей территориальным особенностям страны [Burnell, 2008, p. 10–24], что подтверждает практика принятия и дальнейшей реализации конституций Афганистана (2004 г.) и Ирака (2005 г.). В отличие от этих примеров, к современному конституционному процессу африканских государств, в котором задействованы международные организации и иностранные государства, как правило, обязательно подключаются внутренние политические и социальные силы, ответственные за обеспечение общей вовлеченности нации в будущий конституционный дизайн. Для адаптации конституции к реальным условиям развития некоторые государства при поддержке извне

прибегают к такому варианту, как принятие транзитного основного закона (например, переходная Конституция Судана 2005 г., временная Конституция Сомали 2012 г.). Можно в целом утверждать, что для африканских государств характерны конституции, подготовленные под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Однако стоит выделить страны, на которые со всей очевидностью оказывает влияние другая правовая культура, предопределяющая как тип конституционного строя, так и особенности регулирования принципа социальной справедливости. В этом контексте, в отличие от рассмотренной выше западной системы социальной справедливости, основанной на трех основных конституционных моделях (либерально-демократической, социалистической, гибридной), на Африканском континенте можно обозначить как минимум четыре модели социальной справедливости: либерально-демократического типа, социалистической ориентации, автократическую и гибридную (смешанную). Две последние модели конституций, особенно гибридная, в большей степени отражают национальную идентичность. При этом число государств с гибридной моделью неуклонно растет.

При либерально-демократическом подходе социальные цели, ценности и социальные права, определяющие содержание принципа справедливости, как правило, не получают системного закрепления в тексте конституции, они привязаны к принципам демократии и свободы и определяются постольку, поскольку защищаются эти главные идеи. В конституциях стран социалистической ориентации социальные цели и ценности более четко выражены, а социальные, экономические и культурные права регламентируются в конституциях так же системно, как и личные и политические права. В конститу-

циях автократических и гибридных государств социальные цели, ценности и права могут как подробно прописываться, так и содержаться точноно – всё зависит от конституционной культуры государства и политических предпочтений.

Наряду с определением социальных целей, ценностей и прав другой важный аспект реализации принципа социальной справедливости состоит в определении форм собственности на национальные блага и правил распределения от них доходов между гражданами государства. Для либерально-демократической модели характерно признание смешанной, то есть государственной (публичной) и частной, собственности на природные и другие стратегические национальные ресурсы, без определения принципов распределения доходов от них. Для государств социалистической ориентации характерно признание государственной (общенациональной) собственности, доходы от которой равномерно распределяются между гражданами страны. Что касается двух других моделей, автократической и гибридной, то в конституциях государств, избравших эти модели, встречаются оба подхода.

Рассмотрим далее более подробно конституционный дизайн принципа социальной справедливости на примере отдельных африканских государств.

Модель либерально-демократического типа, которая возникла под влиянием западных правовых культур и международно-правовых стандартов, присуща, к примеру, Конституции ЮАР 1996 г. Основным закон этой страны разрабатывался под влиянием конституций Германии и Бельгии как федеративных государств, внутри которых разделяются властные полномочия между федерацией и субъектами федерации. В духе либерально-демократических идей в Конституции ЮАР 1996 г.

делаются акценты на создание общества, основанного на демократических основах, социальной справедливости, человеческого достоинства, достижения равенства, а также на продвижение основных прав и свобод человека, улучшение уровня жизни и освобождение потенциала человека.

Конституция ЮАР не запрещает частную собственность на землю и другие природные ресурсы и регулирует эти отношения на основе принципа социальной справедливости лишь в части защиты прав собственников. В ст. 25 Конституции ЮАР отмечается, что никто не может быть произвольно лишен собственности, кроме как в соответствии с законом, экспроприация допускается только для общественных целей или интересов на основе равноправия со справедливым размером компенсации, отражающим баланс между общественными и частными интересами.

Вторая модель – страны с доминирующей социалистической характеристикой социального строя, которые практически прекратили свое существование в Африке на данном этапе. В то же время традиции социалистического строя сохранились в определенной мере у отдельных государств при регулировании социальных прав и отношений распределения национального богатства. К таким государствам в настоящее время относятся Ангола (Конституция 2010 г.), Алжир (Конституция 1996 г.), Эфиопия (Конституция 1995 г.) и ряд других стран. В отдельных главах конституций Анголы и Эфиопии подробно прописывается перечень социальных прав (на труд, образование, объединение в профсоюзы, защиту здоровья, создание достойных условий для малообеспеченных, защиту семьи, молодежи, детей и др.). Конституция Анголы детально определяет отношения государственной собствен-

ности на землю и природные ресурсы: земля – собственность государства; местные общины обладают доступом к земле; твердые, жидкие и газообразные природные ресурсы, существующие в почве и недрах, в территориальных водах, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе, находящемся под юрисдикцией Анголы, являются собственностью государства, которое определяет условия концессий, изысканий и эксплуатации в соответствии с положениями Конституции, национального права и международного права (статьи 15 и 16).

Конституция Алжира в ст. 17 формулирует статус общественного имущества, или имущества народа, на недра, железнодорожный, морской и воздушный транспорт, лес, земли, почтовые ведомства, морские воды, минеральные богатства. В дополнение к этому допускается деление собственности на общественное и частное и устанавливается справедливая компенсация за экспроприацию собственности.

Аналогично странам социалистической ориентации практически исчезли в Африке и чисто авторитарные государства, они трансформировались в гибридные или находятся в процессе трансформации. Так, с 1977 по 2011 г. в Ливии действовал политический режим Каддафи «Джамахирия», сочетающий элементы авторитарности, либеральной демократии и социализма. Гибридизация строя наблюдается в Марокко (Конституция 2011 г.), Египте (Конституции 2012 и 2014 гг.), Тунисе (Конституция 2014 г.) и в ряде других ранее авторитарных государств.

Четвертая, самая распространенная сегодня гибридная модель принципа социальной справедливости наиболее ярко отражает национальную идентичность. Как показывает опыт конституционного развития, наиболее поздние конституции, то есть при-

нятые в XXI столетии, в большей степени склонны к гибридизации, что позволяет им успешнее отразить специфику правопонимания принципа социальной справедливости в стране, исходя из истории развития и современных приоритетов. Так, Конституция Руанды 2003 г. выстраивает модель социальной справедливости с выделением решения задач наиболее важных для государства гуманитарных и политических проблем, влияющих на социальное благополучие людей. В преамбуле осуждается геноцид, от которого пострадали люди этой страны, выражается надежда на примирение и процветание. Конституция отмечает, что Руанда должна придерживаться ряда основополагающих принципов, включая справедливое разделение власти и демократию.

Конституционная идентичность, предопределенная сильным и авторитетным государственным лидером, ярко выражена в преамбуле Конституции Центральноафриканской Республики (ЦАР) 2016 г. В ней отмечается, что суверенный народ Центральноафриканской Республики гордится своим национальным, языковым единством и этническим, культурным и религиозным разнообразием, которые способствуют обогащению личности, убежден в настоятельной необходимости сохранения национального единства, социальной сплоченности и мира, залогов экономического и социального прогресса, движим заботой о благополучии процветании и обеспечении человеку его достоинства в соответствии с принципом «ЗО КВЕ ЗО» (человек есть человек), провозглашенным отцом-основателем Центральноафриканской Республики Бартеlemi Богандой.

Особая любовь к Родине, национальным традициям и религиозным ценностям выражена в преамбуле Конституции Египта 2014 г.: «Во Имя Бога,

Самого Милостивого, Самого Милосердного. Это Наша Конституция. Египет – это дар Нила и дар египтян человечеству. Обладая уникальным местоположением и историей, арабская нация Египет является сердцем всего мира. Это место встречи цивилизаций и культур, а также перекресток морских перевозок и коммуникаций. Это окончательность Африки на Средиземном море и устье ее величайшей реки – Нила. Это Египет, бессмертная родина египтян и послание мира и любви всем народам... Это место, где они создали самые удивительные чудеса цивилизации и где их сердца смотрели на небеса еще до того, как земля узнала о трех богооткровенных религиях...».

Нигерия в своей Конституции 1999 г. (в ред. 2011 г.) значительное внимание уделяет справедливому равенству и интеграции этнических общин в условиях федеративного устройства (в частности, ст. 14–16). Согласно ст. 14 Конституции Нигерии состав правительства Федерации или любого из ее учреждений, а также ведение дел должны осуществляться таким образом, чтобы отражать федеративный характер Нигерии, содействуя национальному единству и гарантируя, что не будет преобладания лиц из нескольких штатов или из нескольких этнических или других секционных групп в правительстве или в любом из его учреждений. Аналогичным образом состав правительства штата, совета местного самоуправления или любого из учреждений такого правительства или совета, а также ведение дел должны обеспечивать разнообразие людей и развивать чувство лояльности среди всех жителей Федерации. В соответствии со ст. 15 Конституции Нигерии национальная интеграция должна активно поощряться, в то время как дискриминация по признаку места происхождения, пола, религии, статуса, этнической или

языковой ассоциации и связей должна быть запрещена.

Как правило, для государств с гибридной моделью характерно конституционное признание государственной (народной) собственности на природные ресурсы и одновременно в установленных пределах допускается частная собственность. Так, согласно ст. 13 Конституции Туниса 2014 г., природные ресурсы принадлежат народу Туниса. Государство реализует суверенитет над ними в интересах народа. Конституция Чада 1996 г. в ст. 57 определяет, что полный и постоянный суверенитет государства распространяется на все природные богатства и ресурсы, которые используются во благо всех граждан государств. В соответствии со ст. 16 Конституции Нигерии 1999 г. (в ред. 2011 г.) государство должно контролировать национальную экономику таким образом, чтобы обеспечить максимальное благосостояние, свободу и счастье каждого гражданина на основе социальной справедливости и равенства статуса и возможностей; плановое и сбалансированное экономическое развитие таким образом, чтобы материальные ресурсы нации использовались и распределялись как можно лучше для общего блага и экономическая система не допускала концентрации богатства или средств производства и обмена в руках небольшого числа граждан или группы лиц. В ст. 17 Конституции Нигерии подчеркивается, что эксплуатация человеческих или природных ресурсов в любой форме, не способствующей благу общества, должна быть предотвращена.

Эти и другие примеры свидетельствуют об общеафриканской тенденции доминирования модели общенационального распределения доходов от природных богатств, что позволяет отметить сходство не только с социалистической моделью социальной спра-

ведливости, но и с практикой авторитарных государств ближневосточного региона (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Омана и др.).

Обобщение в контексте общеафриканской идентичности конституционной практики регулирования принципа социальной справедливости в странах Африки позволяет отметить следующие совпадающие черты, характерные для конституционных моделей практически всех африканских государств:

- закрепление принципа социальной справедливости в преамбулах конституций как особой цели, ценности и идеи, обеспечивающей национальное единство, мир и развитие;
- закрепление принципа равенства всех перед законом;
- запрет рабства и принудительного труда;
- закрепление конституционной цели борьбы с бедностью и искоренения нищеты;
- признание семьи главной ценностью, основой государства и общества;
- закрепление принципа братства как основы отношений между социальными группами и племенами;
- формулирование конституционных целей противодействия племенному строю, клановости, трайбализму, семейственности как препятствиям на пути достижения справедливого социального строя;
- особое внимание к конституционному статусу и защите социальных прав и интересов молодежи и детей;
- гарантирование обязательного начального или среднего образования; доступных медицинских услуг, социальной защиты для нуждающихся категорий граждан;
- обеспечение государством права на труд, безопасных условий труда, справедливого вознаграждения за труд и других трудовых прав.

Отдельными государствами устанавливаются дополнительные конституционные требования к социальной справедливости, расставляются важные акценты с учетом потребностей государства, общества и человека.

В этом отношении интерес представляет ст. 53 Конституции Чада 1996 г., закрепляющая принцип сбалансированного и соразмерного справедливого участия: каждый гражданин участвует в государственных расходах, исходя из количества доходов и богатства. Конституция ЮАР детально формулирует принципы доступности к социальным правам, защиты благополучия. Обращает на себя внимание увязка социальных прав с экологией и благополучием человека (достаточное количество еды и воды, право на базовое питание и социальную безопасность). Конституция Туниса обуславливает реализацию принципа социальной справедливости действием принципов общего блага, беспристрастности, равенства и преемственности государственных услуг, а также прозрачности, целостности, эффективности и подотчетности публичной власти. Конституция Египта определяет взаимообусловленность и неразрывность реализации принципов социальной солидарности, социальной справедливости и достойной жизни: «...государство обязуется добиваться социальной справедливости, предоставляя средства для достижения социальной солидарности в целях обеспечения достойной жизни для всех граждан в порядке, установленном законом» (ст. 8).

В контексте обеспечения социальной справедливости интерес представляет закрепление в Конституции Анголы принципа самоустойчивого развития, целей улучшения показателей развития человеческого потенциала как гарантии достижения социальной справедливости. Наряду с общеизвест-

ными социальными правами человека отдельное внимание Конституция Анголы уделяет правам потребителей: потребители имеют право на качественные товары и услуги, информацию и разъяснения, гарантии на продукцию и защиту в отношении потребительских отношений, на защиту от производства и поставки товаров и услуг, наносящих вред здоровью и жизни, получение компенсации за любой понесенный ущерб. Речь идет в данном случае о социальной, продовольственной и экологической безопасности, рассматриваемых в единстве с принципом социальной справедливости.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституций африканских государств на предмет регулирования принципа социальной справедливости позволяет выявить как общие черты, так и различия в конституционных моделях принципа социальной справедливости стран Африки. Условная классификация этих моделей на четыре группы: либерально-демократического типа, социалистической ориентации, авторитарная и гибридная (смешанная) – постепенно теряет свою актуальность. В перспективе подавляющему большинству африканских государств будет присуща гибридная модель, сочетающая элементы либеральной демократии, социализма, авторитарии и тех особенностей общественно-политического и экономического строя страны, которые исходят из ее национальной идентичности и уникальности. Именно эта тенденция гибридизации со всей очевидностью обозначилась в настоящее время в практике конституционного развития африканских государств. В этих условиях интерес представляет вы-

явление общих и отличительных особенностей гибридных моделей социальной справедливости, поиск баланса между универсализацией и учетом национальной идентичности, обеспечивающий реализацию социальной справедливости в единстве с другой главной конституционной целью развития африканских государств – обеспечением национального единства, мира и безопасности, социальной солидарности, свободы и равноправия, достойной жизни и благополучия.

Список литературы

Александров Ю.В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры / Диссертация ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Великий Новгород, 2003. – 131 с.

Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. – Москва : Эксмо; Санкт-Петербург : Мидгард, 2008. – 958 с.

Боломатова К. Эфиопия. Обзор ВЭД. – Москва : Агроэкспорт, 2021. – 34 с. – URL: http://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/06/Обзор-ВЭД_Эфиопия.pdf?ysclid=la76gz1pna117734882 (дата обращения: 10.09.2022).

Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – Москва : ЗАО Юстицинформ, 2005. – 592 с.

Васильев А., Корендясов Е. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт. // РСМД. – 2013. – 22 мая. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/rossiysko-afrikanskije-otnosheniya-cherezdesyat-let-novyy-st/> (дата обращения: 10.09.2022).

Дворкин Р. О правах всерьез. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 389 с.

Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Резюме. Неопределенные времена, неустроенные жизни: формируя наше будущее в меняющемся мире. – Нью-Йорк : UNDP, 2022. – IX, 31 с. – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2011. – 720 с.

Иванова М.Г. Сходства и различия архетипов культур африканских стран и России (на примере философии Убунту) // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 104–119.

Искендеров П.А. Экономические отношения России и африканских стран: проблемы и перспективы // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 53–67.

Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства. – Москва : Восток-Запад, 2011. – 260 с.

Кассае Ныгусие В.М., Забелла А.А. Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Африки // Африка в контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Кассае Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 136–146.

Кассае Ныгусие В.М., Сауляк В.Е. Этническая сегментация африканского общества в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 36–40.

Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. – Архангельск : Изд-во КИРА, 2010. – 201 с.

Кривоногов В.П. Об этническом, религиозном и языковом составе населения О. Маврикий // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 4. – С. 83–95.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия (перевод) // Реферативный журнал. Серия 3. Философия. – 1994. – № 4. – С. 149–230.

Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Асмуса. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 731 с.

Роулз Д. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. – Москва : URSS, 2010. – 534 с.

Русак Н.А., Захаров А.Н., Дегтерев Д.А. Китайские инвестиции в энергетический сектор Африки// Африка в

контексте формирования новой системы международных отношений : сборник научных статей / под ред. А.М. Васильева, Д.А. Дегтерева, В.М. Касса Ныгусие. – Москва : РУДН, 2019. – С. 147–157.

Тимкук Д.А. Диалогический аспект Африканского коммунитаризма в философии убунту // Социодинамика. – 2017. – № 9. – С. 113–122.

Blount J., Elkins Z., Ginsburg T. Does the Process of Constitution-Making Matter? // Comparative Constitutional Design / Ed. By T. Ginsburg. – Cambridge etc. : Cambridge University Press, 2013. – P. 31–65.

Burnell P. The Relationship of Accountable Governance and Constitutional Implementation, with Reference to Africa // Journal of Politics and Law. – 2008. – Vol. 1, N 3. – P. 10–24.

Ramose M. African Philosophy through Ubuntu. – Harare : Mond Books. 1999. – 208 p.

Law and Politics

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.05

Constitutional Models of the Principle of Social Justice in African Countries: Comparative Legal Analysis

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

DSc in Law, Professor, Senior Researcher

Department of Law in Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A. (2022). Constitutional Models of the Principle of Social Justice in African Countries: Comparative Legal Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 79–97 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgf/2022.04.05

Received: 10.09.2022.

Revised: 08.11.2022.

ABSTRACT. *Based on the comparative legal analysis of the constitutions of African states, the article analyzes the constitutional models of the principle of social justice. The genesis of the Western legal understanding of the principle of social justice, the peculiarities of its reflection in the African legal culture are considered.*

Highlighting the Western tradition of the legal understanding of social justice, proceeding from the views of Plato and Aristotle, the author notes that its essence consists in the fair distribution of social benefits based on the achievement of equality. Modern Western legal understanding complements the ancient Greek tradition by considering the conditionality of the principle of social justice by economic and political systems, property relations, social rights and freedoms.

Comparative legal analysis of the constitutions of African states allows the author,

on the one hand, to discover similarities in the regulation of the principle of social justice, including under the influence of Western tradition, on the other hand, to see that the constitutions of these countries objectively differ in the degree and nature of taking into account national approaches. In this context, the general and special factors of the national identity of African states that influence the choice of a constitutional model of social justice are highlighted.

The article highlights at least four constitutional models of the principle of social justice on the African continent: liberal-democratic, of socialist orientation, autocratic and hybrid. The autocratic model and especially the hybrid one reflect national identity to a greater extent. At the same time, the number of states with a hybrid model is growing steadily. The article provides a detailed analysis of the constitutional models of the principle of social jus-

tice on the example of individual African states, examines the features of the constitutional consolidation of social goals and values, the regulation of social rights and relations on the distribution of income from national wealth.

It is concluded that the classification of constitutional models of the principle of social justice into four groups is gradually losing its relevance. In the future, a hybrid model will be inherent for all African States. The trend of hybridization has clearly emerged at the present time in the practice of constitutional development of African States.

KEYWORDS: principle of social justice, Western legal understanding, constitutional models, liberal democratic model, model of socialist orientation, autocratic model, hybrid model, African countries, national identity, social goals and values, social rights.

References

- Alexandrov Yu.V. (2003). *Justice in the system of values of the Russian legal culture*. Dissertation ... Candidate of Philos. Sciences: 24.00.01. Veliky Novgorod, 131 pp. (in Russian).
- Aristotle (2008). *Politics. Metaphysics. Analytics*. Moscow : Eksmo; St. Petersburg : Midgard, 958 pp. (in Russian).
- Blount J., Elkins Z., Ginsburg T. (2013). Does the Process of Constitution-Making Matter? In: Ginsburg T. (ed.). *Comparative Constitutional Design*. Cambridge etc. : Cambridge University Press, pp. 31–65.
- Bolomatova K. (2022). *Ethiopia. Overview of foreign economic activity*. Moscow : Agroexport, 34 pp. (in Russian). Available at: <http://aemcx.ru/wp-content/uploads/2022/06/>, accessed 10.09.2022.
- Bondar N.S. (2005). *Power and freedom on the scales of constitutional justice: protection of human rights by the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow : CJSC Justicinform, 592 pp. (in Russian).
- Burnell P. (2008). The Relationship of Accountable Governance and Constitutional Implementation, with Reference to Africa. *Journal of Politics and Law*, vol. 1, no. 3, pp. 10–24.
- Doklad... (2022). *Human Development Report 2021/2022. Resume. Uncertain times, unsettled lives: shaping our future in a changing world*. New York, UNDP, ix, 31 pp. (in Russian). Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf>, accessed 10.09.2022.
- Dworkin R. (2004). *About the rights seriously*. Moscow : ROSSPAN, 389 pp. (in Russian).
- Iskenderov P.A. (2019). Economic relations of Russia and African countries: problems and prospects In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 53–67 (in Russian).
- Ivanova M.G. (2019). Similarities and differences between the archetypes of cultures of African countries and Russia (on the example of Ubuntu philosophy). In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 104–119 (in Russian).
- Kapto A.S. (2011). *Morality in models of the world order*. Moscow : East-West, 260 pp. (in Russian).
- Kassae Nygusie V.M., Saulyak V.E. (2014). Ethnic segmentation of African society at the beginning of the XXI century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, no. 1, pp. 36–40 (in Russian).
- Kassae Nygusie V.M., Zabella A.A. (2019). Military-technical cooperation

of the PRC with African countries. In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 136–146 (in Russian).

Kozlov M.I. (2010). *Social justice in the context of the Russian tradition*. Arkhangel'sk : KIRA Publishing House, 201 pp. (in Russian).

Krivotogov V.P. (2014). About the ethnic, religious and linguistic composition of the population of the island of Mauritius. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, no. 4, pp. 83–95 (in Russian).

Nozick R. (1944). Anarchy, the state and utopia (translation). *Abstract Journal. Series 3. Philosophy*, no. 4, pp. 149–230 (in Russian).

Plato (2007). *Essays in four volumes*. Vol. 3, part 1. Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University, 731 pp. (in Russian).

Ramose M. (1999). *African Philosophy through Ubuntu*. Harare : Mond Books, 208 pp.

Rawls D. (2010). *Theory of Justice*. Translated from English, ed. by V.V. Tselishchev. Moscow : URSS, 534 pp. (in Russian).

Rusak N.A., Zakharov A.N., Degterev D.A. (2019). Chinese investments in the energy sector of Africa. In: Vasiliev A.M., Degterev D.A., Kassae Nygusie V.M. (eds.). *Africa in the context of the formation of a new system of international relations: a collection of scientific articles*. Moscow : RUDN, pp. 147–157 (in Russian).

Timkuk D.A. (2017). Dialogical aspect of African communitarianism in the philosophy of Ubuntu. *Sociodynamics*, no. 9, pp. 113–122.

Vasiliev A., Korendyasov E. (2013). Russian-African relations in ten years: a new start. *RIAC*, May 22 (in Russian). Available at: <http://russiancouncil.ru/analytiks-andcomments/analytiks/rossiysko-afrikanskie-otnosheniya-cherezdesyat-let-novyy-st/>, accessed 10.09.2022.

Zorkin V.D. (2011). *Constitutional and legal development of Russia*. Moscow : Norm, INFRA-M, 720 pp. (in Russian).